
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Мурзиным**

ДВУГЛАВЫЙ СОНЕТ

Попробуй нашего вина,
Оно и скорбно и брадато,
Огромно, жгуче, зло и в плату
Возьмет всего тебя сполна.

Его угрюмая волна
Уйдет, оставив волосатый
Ком в горле, и свои глаза ты
Нашаришь в скользком иле дна.

Отведай нашего вина
И с полночи и до утра, ты
Начнешь перечислять утраты,
И собирать их в стену сна.

И встанет стылая стена,
И выйдут из стены солдаты
Неимоверны и горбаты,
И пресекутся времена.

Ты хочешь нашего вина?
Оно, как свадебный скелет.
Стоит в шкафу так много лет,

В кружавчиках и рюшках спрятан.
Как светоносная струна,
Что скрыта плоти рыхлой ватой.

АД. ЗЕВ. ЗОВ: О ЗВЕЗДА!

Скользя воронкою бессонной,
Я тяжело ввинчиваюсь в Ад.
В багровых бликах миллионы
Чертей передо мной стоят,

Кричат «Ура», меня встречают,
Звенит копытом Генерал,
И грузно серный дым качает
Знамен надувшийся квартал.

Как много их цветных и серых
Кто в барабан, кто на трубе
Стучат, дудят. Ревут без меры:
«Хвала Великому Тебе!

Хвала! Хвала!» - Я опускаю
Глаза от боли и стыда,
А под ногами расплескались
Огнем и горем города.

И Генерал взглянул на блики
(И в нем признал я Сатану),
И он сказал: «Хвала Великий,
Тебе!» - и что-то про войну

И продолжал: «К чему о прошлом,
Теперь все просто, все нестрашно,
И каждый гвоздь в твоей подошве
Длинней их высочайшей башни.

РЕТОРТА

Почтительно и робко
Заглядываю в спичечную коробку -

Там дерутся Лев и Змея,
Но кусают друг друга любя.

А со зла кто кого укусит -
Сам же первый тотчас и струсит.

От врага помчит наутек,
Только хвост стучит в потолок.

И едва начнется погоня -
Целый мир забьется в агонии.

А как враг настигнет врага -
Мир сгорит, как сухая трава.

СТАРУШКА И ШИЗИК

Зимний воздух туманный и сизый.
Дует от не заклеенных рам.
Так и жили старушка и шизик,
Неразменный ее квартирант.

Хлопотала старушка с рассвета.
Шизик многое в ней не любил.
Не здоровался с нею за это,
За квартиру и стол не платил.

А старушка была уж довольна,
Хоть сама оставалась живой -
Шизик бил ее долго и больно,
Коль не шел ему в душу покой,

Но она про побои скрывала,
И когда бы к ним кто ни забрел,
Очень ласково всем объясняла:
Мол, ударилась мордой об пол.

Синяки по старушке свистели,
Как цветочки в саду по весне.
Шизик, утром проснувшись, с постели
По квартире бродил как во сне,

Думал все необъятную думу,
В папиросном качаясь дыму,
Чтоб без внешних усилий и шуму
Власть над миром досталась ему,

Чтоб одним мановением мозга
Он народами повелевал,
Чтоб весь мир, словно куклу из воска,
Он пальцами железными мял.

Страх, что выгорит это не скоро,
Вырывал из груди его стон,
Волочились по пыли и сору
Вязки грязных солдатских кальсон,

А старушка с утра у корыта,
Рушил пену сквозняк от окна,
Пусть уж лучше немножко побита,
Чем все время одна да одна.

ПАТЕФОНА РАСТЛЕННЫЙ ГОЛОС

Дали мальчику по соплям,
Напинали ему под говно.
Он стоит на морозе, упрям,
И глядит в роковое окно.

Там мурлыкает магнитофон,
Там вино, полумрак, интим,
А в ушах унижительный звон,
Будто кто-то смеется над ним.

Вот возьму сейчас пистолет.
Стук. Откройте! И вдруг: тишина.
Только всхлипнет слегка на столе
Недопитая рюмка вина.

И она перед ним на полу,
На коленях, с мольбой: пощади.
Бах-бабах! И обидчик в углу
Расшеперился с пулей в груди.

Или лучше: красив, бородат
(Незаметно промчатся года),
На французской актрисе женат
Загляну на минутку сюда

Я, уставший от роли вождя
(Лондон, Дели, Париж, Амстердам).
Мальчик болью играет, водя
Языком по разбитым губам.

Я ЖИВУ НА ЛУНЕ

я хожу по земле
а живу на луне
потому что луна мне дороже и ближе
на земле я боле-
ю и делаю не
то что надо а то чтоб остаться и выжить
на земле я вовне
себя я как во мгле
внешней и не могу до себя достучаться
на луне все при мне
все со мною и не
нужно мне ничего чтобы все мои части
встали все куда на-
до чтоб даже луна
ничего никуда никогда ни за что не могла передвинуть
чтобы глядя в свой це-
йс я на лунном лице
как в бокале вина
видел вечно одну и все ту же одну и все ту же одну и все ту же картину